

КЛАССИКА С РАЗБОРОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ С ПОЯСНЯЮЩИМИ КОММЕНТАРИЯМИ

 МОСКВА

УДК 821.161.1-31(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1я721
Л49

Составитель

Б. А. Ланин — доктор филологических наук, профессор,
автор УМК по литературе для 5–11 классов и учебников
для университетов по русской литературе и методике преподавания

Лермонтов, Михаил Юрьевич.

Л49

Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов ; составление и комментарии Б. А. Ланина. — Москва : Эксмо, 2026. — 176 с. — (Классика с разбором произведений).

ISBN 978-5-04-232082-8

Книга подготовлена специально для школьников, которые хотят быстро подготовиться к уроку, сочинению или экзамену по литературе.

Помимо полного текста романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в издании представлены ценные дополнительные материалы:

- подробный план произведения на полях, с помощью которого можно быстро найти нужный фрагмент, описание героев, легко проследить фабулу романа;
- развернутые комментарии с объяснениями непонятных фактов, устаревших слов;
- история создания произведения;
- указатель имен и событий в конце книги для быстрого поиска страниц, на которых появляются герои, происходит то или иное событие, важное для понимания авторского замысла.

В пособии реализованы принципы изучения произведения в школе. Учебно-справочные материалы делают книгу максимально удобной для анализа текста в классе и дома, подготовки к написанию сочинений, ОГЭ и ЕГЭ. Пособие также будет полезно учителям при планировании и проведении уроков литературы.

УДК 821.161.1-31(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1я721

ISBN 978-5-04-232082-8

© Ланин Б. А., составление, комментарии, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ	4
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»	6

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
I. Бэла	12
II. Максим Максимыч	49
ЖУРНАЛ ПЕЧОРИНА	60
Предисловие	60
I. Тамань	61
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	74
II. Княжна Мери	74
III. Фаталист	153
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, СОБЫТИЙ, СВЕДЕНИЙ (В СООТВЕТСТВИИ С ПЛАНОМ)	163

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ

Эта книга поможет любому ученику стать отличником — если он того захочет. Вы не замечали, на что уходит время на уроке литературы? Нет, не на размышления, не на споры о героях — хотя, конечно, именно это главное на уроке литературы и требует много времени. Все же больше всего времени на уроке уходит на поиски нужной сцены, фрагмента, страницы. «Найдите в тексте...» — так чаще всего начинается задание, которое дает учитель. И тут начинается быстрое перелистывание страниц в поисках нужного фрагмента. Кто-то нашел первым — он и опередит своих одноклассников.

С этой книгой в руках легко стать первым. Ведь в ней:

- удобная навигация;
- продуманный справочный аппарат;
- подробный указатель;
- история создания произведения.

План книги на полях

Следите за информацией на полях — там представлен **подробный план книги**, которую вы изучаете. Вы можете проследить фабулу произведения по плану на полях, вспомнить, какие основные события в нем происходят.

Навигатор поиска

В конце книги есть **указатель имен, событий, сведений (в соответствии с планом)** — и это удобно для поиска. Если вам нужно найти, в каких сценах появляется

герой или происходит то или иное событие, нужно открыть этот раздел и посмотреть, на каких страницах есть такие сведения.

Справочный аппарат

На каждой странице объясняются непонятные, устаревшие слова, даются дополнительные сведения о предметах, фактах, событиях, приводятся биографические справки и даты исторических событий, поясняются географические названия. Такие полезные сведения помогают учащимся понять содержание произведения.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Работа над романом была начата в 1838 году, а завершена в 1839 году. «Герой нашего времени» печатался сначала по главам: «Бэла» — в «Отечественных записках» (1839, т. 2, № 3); «Фаталист» — в «Отечественных записках» (1839, т. 6, № 11); «Тамань» — в «Отечественных записках» (1840, т. 8, № 2); первое отдельное издание полностью было напечатано в Санкт-Петербурге в 1840 году. Интересно, что позже других частей было написано «Предисловие» — в 1841 году. Оно впервые появилось во втором издании романа (СПб., 1841).

Принято считать, что в романе рассказывается не жизнь главного героя, а история его души. В том, что автор выстроил последовательность глав так, что она стала отличаться от последовательности событий в жизни героя, кроется гениальное новаторство лермонтовского романа. Попробуем восстановить последовательность действия романа — т.е. его фабулу.

1) Печорин, следуя из Петербурга на Кавказ, останавливается в Тамани (глава «Тамань»);

2) после участия в военных действиях Печорин едет по тогдашней моде «на воды» и живет в Пятигорске и Кисловодске. Там он ссорится с Грушницким и убивает его на дуэли (глава «Княжна Мери»);

3) за участие в дуэли (несмотря на все предосторожности стрелявшихся) Печорина вновь высылают на Кавказ. Там, в крепости, его формальным начальником становится штабс-капитан Максим Максимыч (глава «Бэла»);

4) после смерти Бэлы Печорин на две недели едет из крепости в казачью станицу. Там он встречается с

Вуличем и помогает схватить его убийцу (глава «Фаталист»);

5) через пять лет после этих событий, выйдя в отставку, Печорин едет в Персию в поисках приключений. По дороге, во Владикавказе, он случайно вновь встречается с Максимом Максимычем. Там его и видит рассказчик (глава «Максим Максимыч»);

6) возвращаясь из Персии в Россию, Печорин умирает («Предисловие» к «Журналу Печорина»).

Читатель видит, что развитие сюжета связано с историей знакомства рассказчика с Печориным. Так раскрывается характер героя.

Изменения характера Печорина сказались даже на его внешности. Сначала он пишет о себе: «На вид я еще мальчик; члены гибки и стройны; густые кудри выются, глаза горят, кровь кипит». Совершенно иным он предстает перед нами в конце своего жизненного пути, в повести «Максим Максимыч» (найдите это место).

Такова схематично история героя, история его души. С полным правом он мог сказать о себе: «...Зачем я жил? для какой цели я родился? ...А верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные». Но высокое назначение не было угадано, и силы необъятные остались без приложения.

«Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится... и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус...»

Герой винит в своем одиночестве главным образом самого себя, но Лермонтов наталкивает читателя на более широкие выводы.

«Герой нашего времени» — первый в русской литературе психологический роман, основной интерес которого сосредоточен на внутренней жизни героя, на его «поведении» и оценке собственных поступков, мыслей и чувств. В то же время — это первый фило-

софский русский роман, в котором судьба героя и становление его характера осмысляются в категориях «добра» и «зла», необходимости и свободы», — писал критик И. Виноградов.

Лермонтов решил идти от внешних впечатлений о герое, от его поступков — к внутреннему миру.

Первая часть рисует Печорина как бы «извне», глазами других людей, Максима Максимыча и автора-рассказчика. Перед нами странный, загадочный характер человека, видимо, необыкновенного, но вместе с тем исполненного пороков. В предисловии к роману автор замечает, что этот характер не выдумка: «это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном его развитии». Автор указывает, что таких людей он «слишком часто встречал».

Вторая часть романа раскрывает характер Печорина как бы «изнутри», обнажает мотивы его странных поступков, его отношение к себе, содержит его самооценки. Для Лермонтова всегда было важно увидеть сложное движение психологии человека, приводящее к тому или иному поступку.

В Предисловии к «Журналу» акцент сделан не на пороках Печорина, а на его беспощадной искренности, на отсутствии в нем тщеславия. Автор предисловия надеется, что читатели, может быть, найдут «оправдание поступкам, в которых до сей поры» обвиняли Печорина, — безоговорочного осуждения героя нет.

Упоминание в предисловии о смерти Печорина подчеркивает искренность героя: он писал для себя, а не для других, и только случай помог опубликовать его записки.

Рассказывая трагическую историю героя, Лермонтов поднимает вопросы о добре и зле (иногда граница между этими понятиями в сознании Печорина стирается); о значении обстоятельств в жизни человека и о пределах индивидуальной воли (до какой границы и в каких ситуациях воля приносит добро, а когда и в каких условиях становится злом и бедствием); об отношении к женщине; о многогранности любовного чувства (Печорин и Бэла, Печорин и Мери, Печорин и

Вера); о дружбе (Печорин и Максим Максимыч, Печорин и Вернер); о правде и лжи; о жизненной активности человека (когда она необходима, когда приносит зло); о судьбе (предопределении, фатуме). В дневнике Печорина встречаются рассуждения о гордости, о сострадании, о любви и счастье, о жизни и смерти и т.д.

Алексей Николаевич Толстой говорил, что в лермонтовской прозе — «совершенство мудрого, высокопо стилю и восхитительно благоуханного искусства... Из этой прозы — и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника, зачатого на снежных вершинах Кавказа».

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Роман

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно служит или объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас.

О ЧИТАЮЩЕЙ
ПУБЛИКЕ

Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее находит нравственного учения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепо-

стей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что, ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!

О ГЕРОЕ
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

БЭЛА

Я ехал на перекладных¹ из Тифлиса². Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

ОПИСАНИЕ
КОЙШАУРСКОЙ
ДОЛИНЫ

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину³. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрама снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, по-

¹ Перекладные — это казенные (т.е. принадлежавшие государству) лошади, которых сменяли на почтовых станциях.

² Речь идет о Военно-Грузинской дороге, которая пересекает Кавказский хребет по долинам рек Терек и Арагва. Это самый удобный путь, по которому Россия была связана с Грузией, Арменией и Азербайджаном, длиной 201,75 версты. Рассказчик едет из Тифлиса (ныне столица Грузии Тбилиси) во Владикавказ.

³ Койшаурская долина — верхняя часть долины Арагвы.

тому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху наложена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился: он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою, пустую, шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки все ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

**ЗНАКОМСТВО
РАССКАЗЧИКА
С МАКСИМОМ
МАКСИМЫЧЕМ**

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче⁴, — отвечал он, приосанившись. — Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но благодаря отливу снегов мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся на долину; но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

— Ведь этакий народ! — сказал он, — и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что оно гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фыркanye усталой почтовой

ОПИСАНИЕ
ПОГОДЫ
В ГОРАХ

⁴ Ермолове. (Прим. М.Ю. Лермонтова.)

тройки и неровное побрякивание русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода! — сказал я. Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку⁵, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать, — сказал он с досадою, — в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик, — а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля⁶ была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отвер-

ОПИСАНИЕ
ПОЧТОВОЙ
СТАНЦИИ
И САКЛИ

⁵ Б у р к а — национальная кавказская одежда — войлочный плащ без рукавов с длинным ворсом.

⁶ С а к л я — вид кавказского дома.

